

СТРАХ ПЕРЕД ПРИЗЫВОМ

До того как познакомиться с миром, Флоренс Найтингейл не знала страха. Однажды ее тетя нарисовала, как Флоренс в четыре года гуляет с матерью и сестрой. Старшая сестра цепляется за руку мамы, а Флоренс идет самостоятельно, с той чудесной невинной уверенностью, которой обладают некоторые дети. Ей незачем заботиться о безопасности. Ее не волнует то, что думают другие. Так много еще нужно увидеть. Так много еще нужно исследовать.

К сожалению, эта самостоятельность продлилась недолго.

Может быть, кто-то сказал ей, что мир — опасное место. Может быть, дело в незаметном, но сокрушительном давлении времени, которое говорило, что девочки должны вести себя определенным образом. А может, роскошь привилегированного существования смягчила ее представление о том, на что она способна.

У каждого из нас был свой вариант такого разговора, когда взрослые совершают по отношению к нам жестокую несправедливость, протыкая наш маленький пузырь, — какими бы ни были их намерения. Они полагают, что готовят нас к будущему, хотя на самом деле навязывают нам собственные страхи и собственные ограничения.

Ох как дорого это нам обходится! И какого мужества в результате лишается мир.

С Флоренс Найтингейл это почти получилось.

7 февраля 1837 года в возрасте 16 лет она осознала то, что позже назвала бы призывом.

К чему? Куда? И как?

Все, что она могла ощутить, — это таинственный голос свыше, который дал ей понять, что от нее чего-то ждут, что она должна заняться *служением* какому-то делу, посвятить себя не жизни в богатой праздной семье, а чему-то более полезному, выйти за рамки ограниченных и невыразительных занятий, которые были доступны женщинам ее времени.

«Где-то внутри мы слышим *голос*... — сказал Пэт Тиллман, когда раздумывал над уходом из профессионального футбола и вступлением в армию США*. — Наш голос ведет нас по направлению к тому человеку, которым мы хотим стать, и только нам решать, следовать за ним или нет. В большинстве случаев нам указывают предсказуемый, открытый и с виду положительный путь. Однако иногда нам предлагают совершенно другое направление».

Возможно, вы подумали, что такая храбрая девушка, как Флоренс Найтингейл, с энтузиазмом прислушается к этому голосу, однако, как и многие из нас, она усвоила представления своего времени и была испуганным подростком,

---

* Пэт Тиллман бросил карьеру футболиста в 2002 году ради мести за теракты в сентябре 2001 года и отправился в армию. Погиб в Афганистане в 2004 году. Его именем названы мост и площадь, на которой стоит памятник спортсмену. Его номер выведен из обращения в клубах, где он играл.

который не осмеливался вообразить себе путь в жизни, отличающийся от пути его родителей.

«Был большой деревенский дом в Дербишире, — писал Литтон Стрейчи в своей классической книге «Выдающиеся викторианцы», — был еще один в Нью-Форесте; было жилье в лондонском районе Мэйфер на время лондонского сезона и его самых изысканных званых вечеров; были поездки на континент, где семья посещала итальянские оперы и знакомилась с парижскими знаменитостями. Естественно было бы предположить, что выросшая в таких привилегированных условиях Флоренс увидит свой долг в продолжении того образа жизни, который Господу было угодно создать для нее, — иными словами, выйдет замуж за достойного джентльмена после надлежащего количества танцев и обедов и будет жить долго и счастливо».

В течение восьми лет призыв безответно сидел занозой в глубине души Флоренс. Между тем она смутно осознавала, что в викторианском мире все было не так уж хорошо. Ожидаемая продолжительность жизни едва достигала срока лет. Во многих городах смертность в больницах была выше, чем вне их. Во время Крымской войны, где позже прославится Найтингейл, всего 1800 человек из нескольких сотен тысяч солдат умерли от полученных ранений. Более *шестнадцати тысяч* скончались от болезней, а еще тринадцать тысяч не смогли служить дальше. Даже в мирное время условия были ужасными, и зачисление в армию само по себе угрожало жизни. В 1857 году Найтингейл писала: «Допускать смертность в строевых, артиллерийских и гвардейских частях в Англии на уровне 17, 19 и 20 человек на

тысячу, в то время как в гражданской жизни эта величина составляет всего 11 человек на тысячу, — такое же преступление, как если бы ежегодно на равнине Солсбери выстраивали и расстреливали 1100 солдат».

Но вместе с важностью этой проблемы, вместе с увеличением числа жертв на этом алтаре рос и страх.

Стрейчи писал, что нужно было присмотреть за фарфором. Отец ждал, что она почитает ему. Требовалось искать подходящую партию для замужества. Положено было обсуждать сплетни. Настоящего дела не имелось: она не делала *ничего*, и это было все, что позволялось состоятельной женщине.

Под этим привычным давлением Флоренс проигнорировала призыв, побоявшись его вторжения в приличное общество. Конечно, она помогала заболевшему соседу. Читала книги. Знакомилась с интересными людьми — такими как Элизабет Блэкуэлл, первая женщина-врач. Но когда в 25 лет ей предложили работать в больнице Солсбери, мать смогла подавить желание дочери. Работа в больнице? Да скорее она станет проституткой!

После восьми лет отрицания возник еще один зов. На этот раз голос спрашивал более резко: *ты собираешься согласиться с тем, что репутация помешает служению?* Это был именно страх: что подумают люди? Сможет ли она порвать с семьей, которая желает удержать ее? Вместо богачки из высшего света стать медсестрой? Сможет ли она заняться делом, о котором почти ничего не знает и которого в девятнадцатом веке практически не существовало? Сможет ли она делать то, что женщины — как

считается — не должны делать? Сможет ли она преуспеть в этом?

Этот страх был сильным настолько, насколько бывает у всех людей, которые думают о неизведанных водах, которые размышляют о том, как изменить свою жизнь и начать делать что-то новое. Когда все говорят, что у вас ничего не получится, что вы ошибаетесь, как к этому не прислушаться? Ужасный парадокс: вам нужно быть сумасшедшим, чтобы не слышать, когда вам говорят, что вы сумасшедший.

А если вас пытаются обвинить? А если вы боитесь подвести людей? Вот с чем столкнулась Найтингейл. Родители восприняли ее устремления как обвинение в отсутствии устремлений у них самих. Мать рыдала, что дочь планирует «опозорить себя», а отец злился, считая ее испорченной и неблагодарной.

И Флоренс впитала эту болезненную ложь. «Доктор Хау, — однажды осмелилась она спросить Самуэля Гридли Хау, врача и мужа Джулии Уорд Хау, автора американской патриотической песни «Боевой гимн республики», — считаете ли вы, что молодой англичанке неприлично посвятить себя благотворительной работе в больницах?» В ее вопросах было заложено множество допущений. *Неприлично. Неподобающе. Ужасно.*

Ее терзали сомнения — хочет ли она получить разрешение следовать своей мечте или разрешение оставить ее неисполненной? «Моя дорогая мисс Флоренс, — ответил Хау, — это было бы необычно, а в Англии все необычное считается неподобающим; но я скажу тебе: «Иди вперед»; если у тебя есть призвание к такой жизни, действуй в соответствии со своим вдохновением, и ты увидишь, что

в исполнении своего долга на благо других нет ничего неприличного или неподобающего для леди. Выбери и иди, куда бы тебя это ни привело».

Однако страх необычного, новых ощущений, вины, новых угроз все равно сохранялся. Все это было рассчитано на то, чтобы удержать ее дома, удержать *в рамках*. И, как это часто бывает, это сработало — несмотря на явную поддержку человека, которым Флоренс восхищалась.

«Почему я убиваю их счастье? — писала Флоренс в дневнике. — Что я такое, если их жизнь мне не подходит?» Она рассказывала, что семья едва с ней общалась: «Со мной обращались так, словно я вернулась после преступления». Эта тактика работала в течение многих лет. «У нее была возможность самоутвердиться, — отмечала ее биограф Сесил Вудхэм-Смит, — но она ею не воспользовалась. Узы, которые ее связывали, были соломенными, но она не порвала их»*.

Флоренс Найтингейл не была исключением — ни в 1840-е годы, ни сегодня. В самом деле, что в так называемом Пути Героя почти всегда следует за призывом к приключению? *Отказ от него*. Поскольку это слишком сложно, слишком страшно, поскольку очевидно, что выбрали не того человека. Такой разговор Найтингейл вела с собой целых *шестнадцать* лет.

Все делает страх. Он удерживает нас от нашего предназначения. Он останавливает нас. Он замораживает нас. Дает миллионы объяснений.

---

* Каламбур: straw bonds — соломенные узы; straw bond — «липовое» (фиктивное) долговое обязательство.

«Как мало можно сделать, ощущая страх», — позже напишет Найтингейл. Доказательство тому — значительная часть первых тридцати лет ее жизни. Но существовал и короткий миг, когда она не боялась. И она знала об этом. Флоренс Найтингейл нужно было собраться с силами, вырваться на волю и принять призыв, что ей было дано услышать.

Это был ужасающий прыжок. Уход от легкой жизни. Пренебрежение условностями. Хор сомнений и требований сдерживал ее — как и многих из нас. Но настал момент, когда для нее этого более не существовало. Через две недели она прыгнула.

«Я не должна ждать от них сочувствия или помощи, — писала она о своем решении вырваться на свободу. — Я должна *взять* некоторые вещи, самый минимум, чтобы можно было прожить. Я должна *взять* их, мне их не отдадут».

В течение года она создавала полевые госпитали для раненых в Крыму*. Условия были ужасными. Из-за нехватки кроватей люди умирали в коридорах зданий и на палубах кораблей. Крысы таскали еду из тарелок. Больные лежали

---

* Из изложения автора может сложиться впечатление, что Найтингейл «прыгнула» во время Крымской войны. На самом деле это произошло раньше, когда она стала путешествовать по Европе и знакомиться со своим будущим занятием. В 1850-м она посетила лютеранскую общину в немецком Кайзерсверте, что стало поворотным моментом в ее жизни. С разрешения родителей в 1851 году она провела в Кайзерсверте несколько месяцев, пройдя базовый курс медицины, затем училась под Парижем в больнице католической организации «Сестры милосердия». Только в октябре 1854 года она с другими женщинами-медсестрами отправилась в английский военный госпиталь под Константинополем.

в стылых помещениях без одежды, а некоторые из них последние минуты жизни проводили полностью голыми. Рацион был негодным, а врачи некомпетентными. Именно от этого ограждали ее родители, именно этим не давали запятнать себя. Этого было достаточно, чтобы отпугнуть даже самых храбрых людей.

«Я была хорошо знакома с жилищами в беднейших кварталах большинства крупных городов Европы, но никогда не была в атмосфере, которая сравнилась бы с атмосферой армейской больницы по ночам», — объясняла она. К этому моменту страх пропал. На его место пришла стальная решимость. Она оплатила ремонт из своего кармана и начала работать.

В одном из своих стихотворений Генри Уодсворт Лонгфелло идеально запечатлел героическую натуру Флоренс Найтингейл, противопоставив ее образ с лампой в руке мрачным унылым коридорам больницы.

И Леди с Лампой с давних лет
Несет в историю свой свет.
И благородна доброта,
И героична чистота*.

Героична. *Точка*. Возможно, только потому, что оказалась достаточно смелой, чтобы преодолеть банальные, но сильные страхи.

---

* Генри Уодсворт Лонгфелло, «Святая Филомена». Перевод Е. В. Поникарова.

Ее работа под огнем в Крыму с серьезным риском для жизни вдохновила на создание Красного Креста. Ее новаторские труды, пионерские разработки по систематизации ухода за больными и людьми из групп риска продолжали приносить пользу всем, кто попадал в больницу в течение последующих 180 лет.

Ее мать плакала, когда дочь заявила о себе. «Мы — те утки, которые дали жизнь дикому лебедю». Представьте, что вы плачете, потому что ваш ребенок оказался особенным. Представьте жизнь в доме, где это происходило. Стрейчи написал, что мать Найтингейл ошибалась. Ее дочь оказалась не лебедем. Родители дали жизнь орлу. Его пришлось долго высиживать, он долгое время жил в гнезде, но, когда улетел, он не знал страха.

То, что мы должны делать в этой жизни, исходит из чего-то, находящегося вне нас; это больше нас. Каждый из нас призван для чего-то. Мы избраны. Мы выбраны... но примем ли мы этот выбор? Или сбежим?

Это наш призыв, наш зов.

На историю Флоренс Найтингейл можно смотреть по-разному. С одной стороны, она годами игнорировала свой призыв к служению людям. С другой — она готовилась к задаче всей жизни. Ей потребовалось время, чтобы решиться противостоять семье и обществу, которые пытались отговорить ее от того, что нужно было делать, и чтобы получить навыки, необходимые для преобразования сестринского дела.

Но в любом случае определяющими стали битва со страхом и победа над ним. Точно так же было у всех, кто изменил мир. Нет ничего стоящего, что не пугало бы. Нет людей,

которые достигли величия, не сражаясь с собственными сомнениями, тревогами, ограничениями и демонами.

Оказалось, что для Найтингейл этот опыт был созидательным сам по себе. Когда она взялась за задачу создания больниц и реформирования военной и гражданской систем здравоохранения в Британии, то столкнулась с невероятным противодействием — со стороны бюрократии и политических сил. Флоренс Найтингейл была не просто ангелом милосердия в больничной палате; она была интендантом, теневым секретарем, лоббистом, разоблачителем, активистом и администратором. Именно способность делать все это, настойчиво сопротивляясь безжалостному и устрашающему противодействию, вести терпеливую, но неутомимую борьбу против тех, кто пытался сдержать ее, и сделала возможной ее работу.

Никто больше не мог ее запугать. Ее нельзя было запугать.

«Ваше письмо написано на Белгрейв-сквер, — отвечала она британскому военному министру, — я пишу из хижины в Крыму. Разные места». Это говорила женщина, которая несколькими месяцами ранее боялась разочаровать свою истеричную мать. Теперь же, когда какой-нибудь врач (или кто-либо еще) говорил ей, что нечто сделать нельзя, она спокойно отвечала: «Но сделать надо». А когда что-то шло не так — например, когда больница, в которой она работала, отказалась принимать католиков и евреев, — то грозила уйти с работы. Намек был понят.

Знакомство со страхом помогало Найтингейл понимать и любить тысячи раненых, умирающих пациентов,

о которых она заботилась. «Опасения, неуверенность, ожидание, страх неизвестного наносят больному больше вреда, чем любое напряжение, — писала Найтингейл. — Помните, что он постоянно находится лицом к лицу с врагом, внутренне борется с ним, ведет с ним долгие воображаемые разговоры». С этим сражением она была знакома не понаслышке, и она могла помочь людям победить.

Сегодня каждый из нас получает собственный призыв.

Служить людям.

Рисковать.

Бросать вызов сложившемуся положению.

Мчаться *вперед*, когда остальные бегут назад.

Подняться над собой.

Делать то, что другие считают невозможным.

Найдется масса причин, по которым эти действия будут казаться неправильными. Будет невероятное давление — выбросить из головы эти мысли, эти мечты, эти *потребности*. В зависимости от того, где мы и к чему стремимся, сопротивление, с которым мы столкнемся, может быть простым стимулированием... или откровенным насилием.

Страх даст о себе знать. Так бывает всегда.

Но позволим ли мы ему не дать нам откликнуться на этот призыв? Неужели мы не ответим на звонок телефона?

А может, как Флоренс Найтингейл, будем подбираться все ближе и ближе, закаляя себя, пока не будем готовы исполнить свое предназначение?

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

